

Самые лучшие
романы о любви

НАТАЛЬЯ
МИРОНОВА

Романы Натальи Мироновой – это современные драмы о коварстве и любви, финал которых всегда оптимистичен. Автор уверен: человек, для которого живы понятия чести и благородства, обязательно добьется справедливости, вытянет свой счастливый билет. В каждой книге вы встретите уже полюбившихся героев прежних историй. И это не случайно: хорошие люди тянутся друг к другу

**СИНДРОМ НАСТАСЬИ
ФИЛИППОВНЫ**

ГЛАЗА КЛЕОПАТРЫ

ТЕНЬ ДОКТОРА КРЕЧМЕРА

СЛУЧАЙ РАСТИНЬЯКА

ВОЗРАСТ СУЛАМИФИ

В ОЖИДАНИИ АЙВЕНГО

Н А Т А Л Ь Я
МИРОНОВА

**ВОЗРАСТ
СУЛАМИФИ**

р о м а н

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии
П. Петрова

Миронова, Наталья Алексеевна.

М64 **Возраст Суламифи : роман / Наталья Миронова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-100141-4

Возраст Суламифи — это возраст любви. Когда он настанет, неизвестно. Думаешь, твой избранник — красавец с внешностью киногероя, соряющий деньгами и нигде не работающий? Он может увлечь в темный омут страсти, а счастья не даст. Но если повезет, возраст любви вынесет тебя на ровный бережок, где ждет простой парень, непохожий на киноактера, не роковой красавец, не искатель наследства. Зато он будет любить тебя, такую, как есть, любить просто так, потому что любит. Будет растить твоих детей, построит тебе дом, где можно укрыться от житейских невзгод...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100141-4

© **Миронова Н., 2019**
© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019**

Моей маме Мере

Глава 1

ТАНГО С МЕТАНОЛОМ

Валерий Климов велел секретарше соединить его с бюро переводов. Секретарша Светочка долго хлопала обильно накрашенными ресницами, соображая, как именно это сделать.

— У вас есть телефонная книжка, — мягко подсказал Климов, хотя ему хотелось ее удушить. — Найдите номер и наберите. Кстати, он есть и в памяти телефона.

Светочка еще немного пошелестела ресницами и отправилась выполнять поручение. «Уволю к чертовой матери», — с бессильной злобой подумал Климов, прекрасно зная, что не уволит. Кой черт его дернул связаться с этой куклой? Светочка твердо выучила только одну секретарскую обязанность, причем возложила ее на себя самостоятельно, Климов ей не поручал: украшать собой приемную шефа. Она охотно взялась бы украсить собой и его постель, но на это шеф не повелся. Все остальное Светочка считала придирками и притеснениями.

Но Климов знал, что у Светочки на руках большая мать-пенсионерка, а больше у них никого нет, потому и терпел. Сам виноват: нечего было брать на работу декоративную секретаршу, а уж взял — так терпи.

Вот у Никиты Скалона, хозяина «РосИнтела», с завистью вспоминал Климов, секретарша — это да. Скала, кремь! Тоже, между прочим, Светлана, только никому в голову не пришло бы назвать ее Светочкой или предложить ей шоколадку. Светлана Андреевна, будьте любезны! Лет сорока пяти, не меньше, в строгом, но немыслимо модном костюме, с немыслимо модной стрижкой. Не красавица, но похожа на этакую породистую лошадь, так что, можно считать, красавица.

Климов понаблюдал за ней, пока сидел в приемной, а в приемной он сидел потому, что время рассчитал с запасом и приехал

немного раньше назначенного. Пришлось ждать. Но он ничуть не жалел и не считал это время потерянным. Он получил возможность посмотреть, как работает Светлана Андреевна. Если бы деловитость измеряли в рентгенах или бэрах, самый мощный счетчик Гейгера спекся бы в минуту от одного ее присутствия. Но у Никиты Скалона и фирма мощная, не Климову чета, хотя Климову тоже грех жаловаться. Только секретарша подкачала.

Ему оставалось лишь завидовать и терпеть Светочку. А что делать? Больная мать на руках. Он понимал, что это значит.

— Там занято, — объявила Светочка, вновь появившись на пороге и всем своим видом давая понять, что для нее вопрос исчерпан.

— Наберите еще раз, — подсказал Климов, а сам подумал с тоской: «Хоть бы она замуж вышла, что ли?»

Сам-то он был уже женат и не мог оказать Светочке эту галантную услугу. Да и не захотел бы, даже если бы мог. Вот вспомнил о жене и поморщился, как от зубной боли. Сам виноват. Терпи теперь. И жену, и секретаршу.

В этот день ему не хотелось раздражаться, не хотелось ни на кого сердиться и думать о неприятном, хотя только что в офис заглянул Влад Саранцев, а уж Влад Саранцев умел портить ему настроение как никто другой. Но на этот раз именно Влад принес радостную весть: из Норвегии приезжает представитель фирмы на переговоры о метаноле.

Вообще-то Климову не нравилось, что Влад проявляет повышенный интерес к проекту, но пришлось признать, что в данном конкретном случае Саранцев и вправду ему помог. Сыскал клиента. И даже обычных комиссионных не потребовал.

«Мы еще поглядим, что за клиент, — мысленно одернул себя Климов. — Странно, очень странно, что он не требовал комиссионные. Будем держать ухо востро».

Но ему так хотелось радоваться! Он был хозяином внедренческой фирмы. По российским меркам его бизнес можно было назвать средним, даже на грани малого, по-старинному он считался бы купцом второй гильдии, но этот бизнес вполне процветал, тьфу-тьфу-тьфу. Только об одном Климов искренне сожалел: до сих пор приходилось внедрять западные изобретения у нас. Движение шло исключительно в одну сторону. И вот — в кои веки раз! — выпал случай внедрить что-то наше у них.

Светочка пошла на вторую попытку и получила зачет.

— Бюро на проводе, — послышался в интеркоме ее голосок.

Строго говоря, позаботиться о переводчице могла бы сама Светочка: это была ее прямая обязанность. Но Климов уже не раз нарывался на ее полную неспособность что-либо сделать толком и предпочел не рисковать. Он и гостиницу норвежцу сам бронировал, и сейчас сам взял трубку и договорился, чтобы прислали переводчика во вторник к одиннадцати.

По наводке Влада Саранцева он давно сотрудничал с этим агентством (Светочка предпочитала говорить и, главное, писать «бюро»: в слове «агентство» было слишком много букв), и оно его никогда не подводило, но Климов все-таки трижды повторил, что переводчик нужен в следующий вторник к одиннадцати. У него в офисе.

Его заверили, что будет. Он попросил дать переводчику заранее составленный проект соглашения вместе с техническим описанием процесса, чтоб подготовился по терминологии и не «плавал» на переговорах. Такое тоже уже бывало. Присылают гида, способного провести «гостей столицы» по Москве и поговорить на общие темы, а тут конкретика, да притом техническая. Не говоря уж о юридической.

Но ему сказали, что пришлют того же самого человека, который переводил техническое описание. Ладно, подумал Климов, если норвежцы на это техописание клюнули, значит, переведено толково.

* * *

Климов заложил руки за голову и откинулся в кресле. Надо было заняться текущей работой, ее никто не отменял, но он позволил себе минутку на передых. Всякий раз, как ему хотелось уволить Светочку, вспоминалась мать. Не ее, его мать. Маруся Климова, как он иронически ее называл именно потому, что она не имела ничего общего с роковой героиней песни «Мурка». Вот разве что имя. Ее и вправду звали Марией. Только она не была ни блатной марухой, ни красноперой опершей, внедренной в банду. И разных там колец-браслетов, а также шляпок и жакетов ей никто не покупал. Она была обыкновенной Мариванной, толстой и некрасивой.

Мариванна Климова работала технологом на Останкинском молочном комбинате. При советской власти, которую Климов в детстве и отрочестве еще застал, у комбината была большая «социалка», и ради сына мать сполна пользовалась этими возможностями: ведомственная поликлиника, детский сад, пионерлагерь, билеты на елку, спортивная секция...

А вот на себя ей вечно времени не хватало. Работа, хозяйство — все на ней. Потом Советского Союза не стало, и комбинат, чтобы выжить, первым долгом избавился от «социалки». Не стало ведомственной поликлиники и прочего. Климову все это было уже не нужно, он был здоровым бугаем, в институт успел поступить. А вот матери... Ей не помешала бы и поликлиника, и профилакторий, и санаторий, но о чем говорить, когда все кануло? В начале 90-х комбинат еле выживал, «площадь и мощность» были либо проданы, либо сданы в аренду коммерческим структурам.

Отца Климов не помнил, тот ушел из дому, когда Валерий был еще маленьким. Время от времени от него приходили смешные почтовые переводы: то на двенадцать рублей с копейками, то на шесть... Это называлось «алименты». При советской власти были такие заработки. Мать считала, что настоящие заработки отец нарочно скрывает, вот и приходят по исполнительному листу эти жалкие рублики. Плакала и приговаривала:

— Вот паразит! Ну что, разве не паразит?

Но на почту ходила и деньги брала. Что ж, при советской власти и шесть рублей были деньги...

Климов не винил отца. Ему казалось, что он понимает, почему отец ушел. Он и сам с радостью бежал бы куда глаза глядят. Мать была сварливой, драчливой и неприятной на вид. Расплывшаяся, рыхлая, как она сама говорила, «сырая». Дома ходила в халате, который вечно оказывался ей короток, нижняя пуговица непременно отлетала, и сыну были видны колыхающиеся, как студень, ляжки, все в ямках и перетяжках.

Когда он вырос и начал зарабатывать, купил ей на вещевом рынке бархатный халат необъятных размеров, темно-синий с золотыми звездами. Красоты неземной. И на молнии, не надо с пуговицами возиться. Но бархат был синтетический — Климов же в этом не разбирался, откуда ему было знать? — и мать жаловалась, что ей в этом халате жарко.

— Ты меня в нем похоронишь, — сказала она сыну.

«Тьфу, дура!» — ответил сын, но не вслух, а то мог бы и затрещину схлопотать: мать была скоро на руку.

Она приносила с комбината сметану — свежую, жирную, густую, прямо из совхоза. Ну понятно: что охраняем, то и имеем, как говорил Жванецкий. Накладывала эту сметану в тонкостенный неграненый стакан, втыкала ложку и демонстративно переворачивала стакан. Сметана не текла, ложка не падала.

Но... фокус-то красивый, только вот в детстве мать заставляла его эту сметану есть. А он не мог. Его рвало от жирной сметаны, а мать больно била по затылку, считая, что это он нарочно. Говорила, что магазинную сметану есть нельзя, там одни стабилизаторы. Носила совхозную сметану на продажу соседям, они охотно брали.

А Климов, когда чуточку подрос, отказался наотрез. Мать плакала из-за него, все думала, что это он ей назло. Пытка кончилась лишь после того, как врач в поликлинике разъяснил матери, что у мальчика гиполактазия — непереносимость лактозы. Ему можно есть некоторые кисломолочные продукты — сыр, творог, простоквашу, кефир, даже сметану, — но нельзя ничего жирного и нельзя свежего молока. Ничего такого, что вызывает в организме реакцию отторжения.

Мать осталась недовольна. Перестала мучить сына молоком, сметаной, сбитыми сливками, но, кажется, так до конца и не поверила даже врачу. Просто удивительно: на химика же училась!

— Как же так? — говорила она. — Все свеженькое, качественное, натуральное — и не есть?

И такой она была во всем. Дома наводила свирепый, как в хирургической палате, порядок и чистоту. Сыну шагу не давала ступить, так и ходила за ним с тряпкой. В дом вошел — переобуйся. Стоило Климову попытаться самому сварганить себе хотя бы яичницу, тут же кидалась подтирать что он там насорил или капнул. Да еще и поправляла на каждом шагу: «Ты неправильно взбалтываешь яйца», «Сковородку надо сперва нагреть», «Ты неправильно стираешь белье», «Ты неправильно держишь веник», — это если он сам пытался подмести.

— Ну если я все делаю неправильно, подметай сама, — терял терпение Климов.

— Да мне легче самой подмести, чем смотреть, как ты тут грязь разводишь! — огрызнулась в ответ мать.

Был у них когда-то пылесос «Уралец», купленный еще до рождения Валерия, прослуживший верой и правдой двадцать лет. Всем хорош: верх плоский, на него еще чехол надевается, и пылесос превращается в табурет, на нем сидеть можно. В тесной квартире — самое то.

Но всему приходит конец, пришел конец и «Уральцу». Он стал захлебываться, от него запахло горелой резиной и маслом. Чинить нигде не брались. Больше таких пылесосов не выпускали, да и вообще мать объявила, что новый пылесос им не по карману, а новомодным иностранным она не доверяет. Перешли на веник, который Климов держал «неправильно».

Но это все так, житейские мелочи, можно перетерпеть. Хуже другое: мать хотела познакомить сына с «правильной», «нужной» девочкой. Например, с дочкой главного бухгалтера Останкинского комбината. Для нее это был предел мечтаний, вершина карьеры — женить сына на дочке бухгалтерши.

— У них и дача есть, и машина, и квартира хорошая, — втолковывала она уже шестнадцатилетнему Климову, а он смотрел на нее с тоской.

«Совсем задолбала». Так он думал, но вслух говорить побаивался.

Уже всюду шла перестройка, разрешили индивидуальную трудовую деятельность, Климов видел много способов заработать и самому добиться всех этих атрибутов советского счастья — квартиры, машины, дачи, — не женясь на бухгалтерской дочке. Но втолковать что-либо матери не мог, она была уверена, что лучше его знает, как устроить его жизнь.

— Что ж ты свою не устроила? — зло бросил ей Климов в ходе одной такой перепалки. — Что ж от тебя отец ушел?

Мать не нашлась с ответом. Никогда ему не забыть, какое у нее сделалось лицо, как она стояла, глазами лупала, губами шевелила — и ни звука. Повернулась и ушла к себе в комнату. Дверь закрыла.

Они жили в «хрущобе». Двухкомнатная квартира, полученная, понятное дело, от комбината. Большая комната с тремя дверями — в прихожую, на балкон и во вторую комнату, — и мебель-то расставить негде, простенков почти нет. И смежная маленькая комната, тесная, как спичечный коробок.

Климов просил мать отдать ему маленькую комнату. В большой все-таки воздуха больше, балкон, да и просторнее, а в ма-

ленькой ей с ее габаритами не повернуться. И в туалет она по ночам встает, из большой комнаты ближе, удобней. А так она его будит.

Но мать не согласилась.

— Ничего, вот меня не будет, останутся тебе обе комнаты, спи где хочешь.

Неужели он так часто ее обижал? Неужели она цеплялась за маленькую комнату, чтобы укрыться от него, захлопнуть дверь и ничего не видеть, не слышать? Климову казалось, что нет, кроме того случая, когда он попрекнул ее отцом, ничего такого вроде не было...

Ему тогда хотелось язык себе откусить. Он испугался, думал войти к ней, прощения попросить, но не решился. Так и смотрел весь вечер на эту закрытую дверь. Мать вышла только к ужину. Глаза вроде не заплаканы, но молчит. Поставила перед ним ужин на стол, сама села, поела — все молча.

— Мам, прости, — начал он.

— Сказанного не воротишь, — сухо оборвала его мать.

Только к утру немного отошла, стала с ним разговаривать, как будто ничего и не было, но Климов тот вечер на всю жизнь запомнил. Тогда-то он и купил ей бархатный халат. Отчасти чтоб ее задобрить. Он подрабатывал, разносил утреннюю почту. Вставал в пять утра, бежал на работу... В те годы все подписывались на газеты и журналы, он половину нес на спине в рюкзаке, а вторую волок в сумке на колесах.

Мать тоже вставала рано, чтобы на работу успеть. Они вместе уходили из дому, но Климов возвращался после почты, бросал рюкзак и сумку. Не в школу же с ними переться? Засмеют. Мать оставляла ему бутерброд, он хватал его и, жуя на ходу, бежал в школу.

Потом Климов окончил школу, поступил в институт... Это было уже в новой России. Однажды мать не пришла со смены домой. Он забеспокоился, позвонил на работу... Комбинат работал круглосуточно, но его долго футболили из одного кабинета в другой, наконец посоветовали позвонить на вахту. Климов позвонил. Вахтер подтвердил, что пришла и ушла, отработав смену, у него отмечено. Тогда Климов принялся обзванивать больницы.

Она нашлась. В больнице на другом конце города: «Скорая» увезла туда, где место было. Но к тому времени, как Климов разыскал ее, мать была уже мертва. Ей стало плохо в троллейбусе.

Жили-то они на улице Академика Королева, ездить на работу, на улицу Руставели, где стоял комбинат, матери было тяжело, с пересадками. Духота, давка... Вот сердце и не выдержало.

Климов поехал в больницу, поговорил с врачом. Оказалось, что у матери диабет. Ни Климов, ни сама мать этого не знали.

— Можно определить по габитусу. По внешнему виду, — пояснил врач, увидев, что Климов не понимает. — Она полная, рыхлая, ноздреватая кожа... Нет, конечно, это только специалист может догадаться...

— Она ж на молкомбинате работала! — ахнул Климов. — Там каждый месяц проверяют! Как же они не заметили?

— Хотите подать на них в суд? — скептически усмехнулся врач. — Там проверяют на вензаболевания и прочий контагиоз¹, диабет могли и проглядеть, тем более в начальной стадии. Он же не заразен.

— Доктор, а у меня нет диабета? — забеспокоился Климов.

— Можно сделать анализы, хотя по габитусу не похоже. Бывает генетическая предрасположенность, но это не приговор. Не злоупотребляйте сладким, жирным...

— На дух не переносу, — признался Климов.

— Вот и хорошо. Ешьте побольше овощей и фруктов, не ешьте жареного, не увлекайтесь пивом, занимайтесь спортом, и не будет у вас никакого диабета. Хотите сделать вскрытие?

Климов не сразу понял, что вскрытие предлагают делать не ему.

— Хотите знать, от чего она умерла? — перефразировал врач.

— Нет, не надо вскрытия, — сообразил Климов.

Он похоронил мать, всех его сбережений еле хватило. На комбинате в помощи отказали. Времена, дескать, не те, тут бы самим в живых остаться. Отказала, между прочим, та самая бухгалтерша, за чью дочку мать так усиленно его сватала. «Хорошо, что мать не слышит», — подумал он.

Ей было пятьдесят два года. Ему — девятнадцать.

Черт, и чего он о ней вспомнил? Не хотел же вспоминать! После смерти матери Климов стал фанатиком своего здоровья. Купил гантели, скакалку, боксерскую грушу, отжимался до седьмого пота. Ел только здоровую пищу. На анализы в поликлинику, правда, не бегал, времени не было.

¹ Заразные заболевания. (Здесь и далее примечания автора.)

Он окончил институт — не какой-нибудь, а Бауманку! — хотя и понимал, что по специальности работать не придется. Прибился к одному кооперативу, к другому... Они все разваливались. Тогда Климов придумал себе работу сам. Организовал курьерскую службу из одного человека. Вам надо куда-то съездить, бумагу отвезти, передать? Давайте я за вас съезжу.

И дело пошло.

Понаблюдав за конъюнктурой, Климов стал предлагать и другую услугу: стояние в очередях. Это было его ноу-хау. Работа, мягко говоря, непрестижная, но Климов и не собирался задерживаться на ней надолго. Ему не хотелось, в отличие от многих однокурсников, торговать китайской обувью. Или российским майонезом. Вот в этом, считал он, можно завязнуть на всю жизнь. А он мечтал подкопить денег и открыть свою фирму.

В госконторы — к нотариусам, в БТИ, в суды — стояли огромные очереди. Давайте я за вас постою. А вы приедете к своему часу и оплатите мое время, потраченное, оно же ваше сэкономленное. Он пристраивался в очереди с каким-нибудь детективом, время проходило незаметно. Пару раз его «кидали»: клиенты не приезжали вовремя, и все усилия Климова пропадали даром. Он даже не пытался требовать с них деньги: знал, что бесполезно. Такое бывало редко, и больше он ни за что не соглашался работать на ненадежного клиента, даже если сулили большие деньги. Все равно его работа приносила прибыль и желающих было хоть отбавляй. Налогов он, ясное дело, не платил.

Сменял двухкомнатную хрущевку на однокомнатную с доплатой. Ему помог один жук-риелтор, точно знавший, что пятиэтажки рано или поздно будут сносить. Скупал их впрок: хотел на этом нажиться. Пока не снесли, сдавал недвижимость приезжим. Климов пожалел, что ему самому этот Клондайк в голову не пришел. Прибиться на время к какой-нибудь подружке, а свою квартиру сдавать. Золотое дно!

Но дело было сделано, квартиру он обменял, на доплату плюс накопления за дежурство в очередях купил машину. Подержанную, но вполне приличную иномарку, даже не праворульную — «Форд»-универсал.

Купив машину, Климов занялся извозом. Людей возить, а тем более ловить клиента на улице не любил: хлопотно, рискованно, деньги маленькие. Он предпочитал небольшие грузы и действо-